

НІМЕЦЬКІ ТИПИ В ІНТЕРПРЕТАЦІЇ Ф.М. ДОСТОЄВСЬКОГО

У статті розглядаються погляди Ф.М. Достоевського на “німецьке питання” у публіцистичному та художньому контекстах, де найбільш повно виражені дані аспекти. При цьому художній підхід є верифікуючим.

Ключові слова: “німецьке питання”, “російські німці”, національна самобутність, художній підхід, публіцистичний контекст, Ф.М. Достоевський.

Образи иностранцев у Достоевського привлекали внимание исследователей в связи с моделированием национальных образов Европы в русском сознании (В. Владимирцев, В. Кантор, М. Гиголашвили, Л. Мюллер, В. Крюкова, С. Оболенская и др.). В этом ряду особое место занимает немецкий исследователь Л. Мюллер, который с точки зрения немца анализирует восприятие писателем Германии. Как правило, объектом исследования являются персонажами, которые принадлежат к четырем этническим группам: немцы, французы, англичане поляки, евреи. Такой выбор обусловлен как “высокой частотностью” их появления в творчестве Достоевского, так и “непосредственной связанностью с проблемой межнационального диалога”.

Дополняя их работы, в нашей статье мы рассмотрим некоторые тенденции в изображении представителей немецкого этнического сообщества у Достоевского. Так называемая “немецкая” тема присутствует как в художественном творчестве Федора Михайловича (от дебютного романа “Бедные люди” до “Братьев Карамазовых”), так и в его публицистике. Большинство немцев, представленных в произведениях писателя, это так называемые “русские немцы” (живущие в России). По этой причине, а также ввиду обширности заявленной темы, мы в ограничиваемся рассмотрением только “немцев” в России, опуская образы, относящиеся к изображению Германии.

Согласно данным, приведенным в работе В. Крюковой, “массовое переселение немцев в Россию началось во времена Екатерины II. В 1763 году она издала известный Манифест, в котором приглашала иностранных граждан для поселения”, разрешала “въезжать и селиться где кто пожелает, ...иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно”. Причиной данного приглашения стала нехватка человеческих ресурсов для обработки “неиспользованных плодородных земель России”. В результате “по переписи 1913 года в Российской империи проживало чуть более 2 400 000 русских немцев. Это были люди, принимающие активное участие в экономике страны и считавшие себя русскими...”[7, 1]. Именно этот фактор, по мнению М. Гиголашвили, привел к доминированию в произведениях Достоевского героев-немцев: “Причина кроется ...в таком социально-историческом феномене, как массовые переселения немцев-колонистов в Россию, в укорененности их во всех слоях русского общества...”[2, 7-8].

Значим для нашей темы также биографический фактор обращения к “немецкой” теме. В этой связи нужно упомянуть о таких фактах, стимулировавших обращение писателя к данной теме: интерес к немецкому искусству “с юных лет”, то есть к литературе, музыке, живописи, особенно пристальное внимание к Шиллеру и Гёте, Моцарту и Бетховену, Канту и Шеллингу; существенен был также “приход в семью Достоевских Эмилии Дитмар, немки, жены М.М. Достоевского”[1, 67]. Отметим также, что “немецкие” впечатления, накопленные за годы проживания в Германии, не могли не повлиять на образ Германии и образы немцев, сложившиеся в сочинениях Ф.М. Достоевского.

Согласно С. Оболенской, “.ни с одним из европейских народов русские не имели, начиная с XVIII века, такого тесного и даже отчасти “домашнего” соприкосновения, как с немцами”[8, 183].

Обратим внимание, что немцев и в процентном отношении к другим иностранцам в России было абсолютное большинство: “... все эти ... иностранцы, то есть, главное, немцы, которые к нам откуда-то приезжают...”[4, т. 6, 201]. Немцы присутствовали в реальной жизни, в повседневном быту, составляли неотъемлемую часть общественной и повседневной жизни России: преподавали в различных учебных заведениях, занимались врачебной практикой, трудились на заводах, в ремесленных мастерских, торговали в лавках и магазинах: “все хозяева различных заведений: слесаря, булочники, красильщики, шляпные мастера, седельники – все люди патриархальные в немецком смысле слова” [4, т. 3, 15]; и даже заседали в канцеляриях и министерствах, то есть занимали все “ниши” российской действительности; роль их в социальной жизни страны также была высока. Соответственно, многочисленные и разнообразные контакты русских с немцами не могли не повлиять на появление данного элемента в “реальность художественных произведений”.

Образы немцев на страницах Пятикнижья (упоминаний о них примерно 130, в публицистике – 35) являются “национально типизированными”, то есть, выявляя черты характера, качества, имеющие национальную специфику и присущие, по мнению автора, определенному национальному типу, писатель создает групповые национальные портреты, “где все образы индивидуализированы и в сумме своей составляют многоплановый национальный характер”[3, 77].

У Федора Михайловича прослеживается некое двойственное отношение к представителям упомянутой нации, его привлекают, с одной стороны, такие “немецкие” качества, достойные уважения, как человеколюбие, честность: “Этот немец, Крафт, не болтун и, я помню, пречестный...”[4, т. 13, 27], бескорыстие, доброта (образы немцев-врачей), работоспособность, умение подойти к своему делу, аккуратность: “Вошел доктор, аккуратный старичок, немец...”[4, т. 3, 45]; пунктуальность и профессионализм: “Мой старичок доктор пришел, как сказал, в десять часов. Он осмотрел больную со всей немецкой внимательностью...”[4, т. 3, 93], “Доктор Зальцфиш ...довольно опытный практик ..., ... пришел в ужас и разогнал собрание, настаивая, чтобы больного не волновали”[4, т. 10, 391]; образованность (упоминание в романе “Преступление и наказание” известного астронома И.Кеплера: “...Кеплеровы и Ньютоновы открытия...”[4, т. 6, 192]; трезвость и рациональность. С другой стороны, немцы для писателя – “скучные скупердяи”: “И что мне за дело до всех этих скучных немцев?”[4, т. 3, 25]; солдафоны: “Это был один из тех баронов Р., которых очень много в русской военной службе, все людей с сильнейшим баронским гонором, совершенно без состояния, живущих одним жалованьем и чрезвычайных служак и фрунтовиков”[4, т. 13, 174]; аккуратисты, ханжи и стукачи; Достоевского отталкивает их грубость, заносчивость: “Тут уж нечего брать в соображение всегдашнюю самодовольную хвастливость всякого немца исконную черту немецкого характера.” “А, главное, тут и еще одно маленькое обстоятельство: немец заносчив и горд, немец не потерпит непокорности.”[4, т. 23, 102]; немецкий практицизм, гипертрофированное стремление к организованности и накопительству: “Все работают, как волы, и все копят деньги, как жида, а в результате “лет эдак чрез пятьдесят или чрез семьдесят внук первого фатера действительно уже осуществляет значительный капитал и передает своему сыну, тот своему, тот своему...”[4, т. 5, 81]. Как отмечает С. Жданов: “...Это, по сути, эволюционный тип развития”, связанный “со скоростью накопления денег” и замыкающий индивида “в жёстких рамках особого жизненного измерения “деньги/время”[5, 143-145].

Практически во всех романах и повестях Достоевского тема немцев получает свое освещение и осмысление, немецкие персонажи появляются уже в ранних произведениях Достоевского (“Бедные люди”, “Униженные и оскорбленные”), представленные в основном в комедийном ключе, и, как правило, эпизодические. Основываясь на работе “Немцы в изображении Достоевского” М. Гиголашвили, где автор систематизировал “константные сквозные образы-символы”, такие как немец-доктор (врач, медик, лекарь) на основе произведений “Двойник” и “Роман в девяти письмах”; немка-хозяйка доходных домов, “номеров”, “углов” (“Двойник”, “Хозяйка”); немец-управляющий усадьбой, именем (“Как опасно предаваться честолюбивым снам”); немцы-владельцы кафе, магазинов, кондитерских (“Бедные люди”, “Двойник”, “Слабое сердце”); немцы-музыканты (“Неточка Незванова”), а также дополняя и углубляя ее, проводим систематизацию образов персонажей-немцев на основе романов Пятикнижья и публицистики Достоевского, а именно, считаем целесообразным выделить следующие наиболее важные типы:

–**немец-доктор (врач, медик, лекарь);**

В романах “Униженные и оскорбленные”, “Идиот”, “Братья Карамазовы”, “Преступление и наказание”, “Бесы”, в “Дневнике писателя” Достоевским представлен тип русского немца-врача, присутствующий практически в каждом произведении и проникнутый симпатией писателя: “Я знал одного доктора, холостого и добродушного старичка, ... самого добрейшего из всех немецких людей в Петербурге” [4, т. 3, 35], доктор Зальцфиш, “...весьма почтенный старичок и довольно опытный практик, недавно потерявший у нас, вследствие какой-то амбициозной ссоры с своим начальством, свое служебное место”[4, т. 10, 391], “...человеколюбивый доктор Герценштубе”, “Старичок же любил острить”[4, т. 14, 273]; доктор Гинденбург: “...и в этом городе множество евреев, есть немцы, русские конечно, поляки, литовцы, – и все-то, все эти народности признали праведного старичка каждая за своего...”[4, т. 25, 75].

–**немцы-хозяева домов, квартир, “номеров”, “углов” и т. д.;**

Интересно, что многие персонажи романов Достоевского снимают углы, комнаты и т. д. домах, принадлежавших немцам. К примеру, Мармеладов со своей семьей “...проживает ... в угле, у хозяйки Амалии Федоровны Липпехель” [4, т. 6, 78], Раскольников живет “в доме Шила”, Свидригайлов снимает комнаты у мадам Ресслих, Лужин у немца-хозяина, “разбогатевшего немецкого ремесленника...”[4, т. 6, 187], Смит в “Униженных и оскорбленных” жил “в доме Клугена, под самую кровлю, в пятом этаже, в отдельной квартире”[4, т. 3, 57]. Да и сам Достоевский часто снимал квартиры у немцев: “...с 1846 по 1847 года он сменяет несколько квартир, живет в доме Кохендорфа, Шила, в квартире Бреммера” [4, т. 7, 378]. Если в основном

эти персонажи упоминаются в романах мельком, то некоторым из них Федор Михайлович уделил больше внимания. Одна из них, Амалия Липпехель, о которой мы впервые узнаем из рассказа Мармеладова, несмотря на негативную характеристику ее Катериной Ивановной: “петербургская пьяная чухонка и, наверное, где-нибудь прежде в кухарках жила, а пожалуй, и того хуже”, “глупая немка, ... подлая прусская куриная нога в кринолине, чумичка, ...сычиха в новых лентах”, проявляет себя и с положительной стороны: она пытается “произвести распорядок” среди жильцов, принимает участие в организации похорон Мармеладова, оказывает помощь его вдове: “Амалия Ивановна всем сердцем решила участвовать во всех хлопотах: она взялась накрыть стол, доставить белье, посуду и проч. и приготовить на своей кухне кушанье”, улаживает неприятность за столом: “...но уж это было до такой степени неприлично, что стараниями Амалии Ивановны и полячка успели-таки его вывести”[4, т. 6, 231-247].

В отдельную категорию можно выделить хозяек так называемых “борделей”, личности которых наделены крайне негативными чертами, объединяющими их: скупостью, беспринципностью, жадной наживы, хваткой, а также “темной криминальной деятельностью”. Колоритная Луиза Ивановна, “очень полная и багрово-красная, с пятнами, видная женщина, и что-то уж очень пышно одетая”, ... улыбающаяся “трусливо и нахально вместе, но с явным беспокойством”, хозяйка борделя, которую встречает Раскольников в полицейском участке – одна из них.

Дарья Францевна, упомянутая Достоевским лишь вскользь, характеризуется как “женщина злонамеренная и полиции многократно известная”, “отъявленная женщина и не имевшая доверия”, сводня, торгующая “живым товаром”, молодыми девушками [4, т. 6, 188].

Другая петербургская немка, Гертруда Карловна Ресслих, чей зловещий образ прописан более детально, – “пройдоха” и “шельма”. Свидригайлов свидетельствует в романе о “своднических” делах мадам Ресслих: “А Ресслих эта шельма, ... она ведь что в уме держит: я наскучу, жену-то брошу и уеду, а жена ей достанется, она ее и пустит в оборот; в нашем слою то есть, да повыше” [4, т. 6, 253-257]. Кроме того, данный персонаж попадает еще под один пункт нашей систематизации, но уже как представительница **немцев-ростовщиков**, причем данный бизнес соотносится автором именно с представителями еврейского народа (“ростовщика, Зайдлера какого-то, жида” ит.д. [4, т. 8, 175]. Здесь Лужин характеризует Ресслих как “иностранку и сверх того мелкую процентщицу, занимающаяся и другими делами”[4, т. 6, 288-289]. Как указывает Гиголашвили в своих исследованиях Ресслих “имеет конкретного прототипа и восходит к ростовщице, которой Достоевский после смерти брата должен был платить “капитал и проценты” – в черновых записях к роману и в письмах она названа своим именем – “шельма Рейслер”[3, 76-78]. В романе “Преступление и наказание” присутствует и некий Кох, клиент старухи-процентщицы, скупавший “у нее просроченные заклады и внизу же серебренику их продававший”.

Образы **немцев-управляющих именьями, усадьбами** присутствуют в романах Достоевского, иногда не неся в себя какой-то определенной смысловой нагрузки: “Они стали воспитываться вместе с детьми управляющего Афанасия Ивановича, одного отставного и многосемейного чиновника и притом немца”[4, т. 3, 22], так и с легкой иронией, например, в романе “Униженные и оскорбленные” князь В. приезжает в свое имение с целью “прогнать ... управляющего, одного блудного немца, ... одаренного почтенной сединой, очками и горбатым носом, но, при всех этих преимуществах, кравшего без стыда и цензуры и сверх того замучившего нескольких мужиков. Иван Карлович был наконец пойман и уличен на деле, ... много говорил про немецкую честность; но, несмотря на все это, был прогнан и даже с некоторым бесславием”[4, т. 3, 8-11].

Примером **немцев-владельцев кафе, магазинов, кондитерских, булочных, мастерских и т. п.** могут служить образы посетителей кондитерской Миллера в романе “Униженные и оскорбленные” “большою частью немцы” ... – “все хозяева различных заведений: слесаря, булочники, красильщики, шляпные мастера, седельники...” [4, т. 3, 15]; к тому же “Андрей Антонович имел одного дядю инженер-подполковника, а другого булочника одного старого заводчика-немца...” [4, т. 10, 154].

“... у нас все служили или служат, и уже двести лет тянется это по самому лучшему немецкому образцу, от пращуров к правнукам...”[4, т. 8, 183]. Критикуя современную писателю систему государственного управления, Достоевский в своих произведениях сатирически обрисовывает образы **немцев-чиновников** Лембке и Блюма в “Бесах”, высмеивая даже их положительные качества: Лембке: “высшую школу протерся и встретил в ней довольно подобных соплеменников”, “учился довольно тупо”, хотя его все и любили..., “свой собственный племенной язык знал он весьма неграмматически, как и многие в России этого племени”, а когда невесту его Амалию все-таки выдали замуж “за одного старого заводчика-немца”, то Лембке “... не очень плакал, ... и скоро утешился. [4, т. 10, 152-153].

Образ Блюма представлен писателем “почти карикатурой” на немецкого чиновника: “... из странного рода “несчастных” немцев – и вовсе не по крайней своей бездарности, ...они “действительно существуют, даже в России, и имеют свой собственный тип. ... аккуратен, но как-то слишком, без нужды и во вред себе, мрачен; рыжий, высокий, сгорбленный, унылый, даже чувствительный и, при всей своей приниженности, упрямый и настойчивый, как вол, хотя всегда

невпопад”[4, т. 10, 177]. Со слов Мармеладова мы узнаем о статском советнике Иван Ивановиче Клопштоке, который не соизволил заплатить его дочери за шитье рубашек: “не только денег за шитье полдюжины голландских рубах до сих пор не отдал, но даже с обидой погнал ее, затовав ногами и обозвав неприлично, под видом будто бы рубашечный ворот сшит не по мерке и косяком” [4, т. 6, 23].

Доказательством же неоднозначного отношения Федора Михайловича к представителям немецкой национальности на страницах романа “Идиот” является появление одного старичка: “...действительного статского советника, с немецким именем”, который “всю свою жизнь таскался по острогам и по преступникам; каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, ...ее посетит “старичок генерал”. ...он проходил по рядам ссыльных, ... останавливался пред каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал почти никогда никому, звал их всех “голубчиками””[4, т. 8, 228].

Особое место в романах занимают образы **немцев-военных**. В романе “бесы” это “барон Р., полковник, военный, господин лет сорока, немецкого происхождения; и флигель-адъютант бароне Бьоринг, – “...из тех баронов..., которых очень много в русской военной службе, все людей с сильнейшим баронским гонором, совершенно без состояния, живущих одним жалованьем и чрезвычайных служак и фрунтовики”, и “...один очень солидный военный генерал, барон или граф, с немецким именем, – человек чрезвычайной молчаливости, с репутацией удивительного знания правительственных дел и чуть ли даже не с репутацией учености, – один из тех... которые знают всё, “кроме разве самой России”...”[4, т. 8, 175-183].

Отметим также, что на протяжении творческого пути писателя, характер изображения немцев в творчестве Достоевского претерпевает определенные изменения: если в “Преступлении и наказании”, в “Бесах” персонажи немецкой национальности зачастую изображаются сатирически: “немецкая привычка к труду” трактуется как “стремления к накопительству”, то уже в 70-е годы, в “Дневнике писателя” Достоевский отзывается с положительной точки зрения о профессионализме и работоспособности немцев, их “умении подойти к своему делу...”, восхищается немецким трудолюбием, называет немцев “великим, гордым и особым народом”, “столь высоким по образованию, ... по силе открытий, изобретений...”[4, т. 26, 59-67]. По предположению Жданова, причиной такого изменения взглядов писателя стало то, что уже в 70-е годы Достоевский “допускает возможность плодотворного для России культурного диалога с Европой, хотя еще в 60-е годы европеизм воспринимался им, скорее, со знаком “минус из-за своего нивелирующего значения, угрожающего потерей национальной самобытности” [5, 183-185].

Двойственность описанных типов позволяет отметить следующее: немецкая и русская культуры переплетались и взаимодополнялись, хотя и несли на себе и тяжелый груз “слишком амбивалентных отношениях России и Германии”[6, 79-80]. При этом оппозиция “немецкого” и “русского” “миров” была культурологически продуктивной, так как открывала новые перспективы в исследовании русской литературы XIX века как культурно-исторической эпохи, позволяла шире взглянуть на проблему литературной традиции, вела к взаимосвещению национальных типов.

Список использованных источников

1. Владимирцев В. Немецкая тема в “петербургской поэме” Ф.М. Достоевского “Двойник” / В. Владимирцев // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. Межвуз. сб. научн. тр. М. – Иркутск. – 2004. – Вып. 10. – С. 66 – 72.
2. Гиголашвили М. “Немецкий след” в раннем творчестве Достоевского / М. Гиголашвили // Филологический вестник Ростовского университета. – 2000. – №3. – С. 5-15.
3. Гиголашвили М. Немцы и немецкое в “Преступлении и наказании” Ф. Достоевского / М. Гиголашвили // Крещатик. – 2000. – №9. – С. 75-82.
4. Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л., 1972-1990.
5. Жданов С.С. Национальность героя как элемент художественной системы. Немцы в русской литературе XIX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Жданов Сергей Сергеевич. – Новосибирск, 2005. – 197 с.
6. Кантор В. Трагические герои Достоевского в контексте русской судьбы / В. Кантор // Вопросы литературы. – 2008. – №6. – С. 75-78.
7. Крюкова В.. Немцы в России [Электронный ресурс] / В. Крюкова. – Режим доступа: <http://ktwins.ru/etnogenez/nemci-v-rossii.html>.
8. Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII – XIX веков / Оболенская С.В. – М.: Наука, 1991. – 185 с.

Summary. This article examines F.M. Dostoevsky representations of “German” question in sociopolitical and art contexts, where these aspects were expressed the most completely. The art approach is verified.

Key words: *the “German question”, the “Russian” Germans, national identity, the art approach, sociopolitical context, F.M. Dostoevsky.*